

УДК 821.161.1

БРИТАНСКИЙ МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С.ШМЕЛЕВА

© С.В.Шешунова

В статье рассматриваются образы Британии и британцев в произведениях Ивана Шмелева «Солдат Кузьма» (1915), «Иностранное тело» (1919), «Два письма» (1924) и других. Исследование показывает, что авторский британский миф в творчестве писателя разделяется на сатирический образ зубастых, самодовольных любителей наживы и идеализированный образ эстетически привлекательной страны христианских традиций.

Ключевые слова: русская литература, британский миф, Иван Шмелев.

Британская тема русской литературы неоднократно привлекала к себе внимание [1: 137, 140, 145; 2-4]. Коснувшись раскрытия этой темы в эпосе И.С.Шмелева «Солнце мертвых» (1923) и его рассказе «На пеньках» (1924), О.А.Казнина констатирует: «Англия для писателя – воплощение незыблемости Европы. Но, оказывается, и там произошло перерождение выстрадавшей культуры в культуру массовую» [5: 362]. В целом же творчество писателя не становилось в данном аспекте темой специальных исследований.

Шмелев никогда не посещал Великобританию, почти не имел личных контактов с ее жителями; тем не менее в его произведениях разных жанров, написанных как в России, так и в эмиграции, можно насчитать около двадцати персонажей-британцев. Большинство среди них – безымянные эпизодические лица, но есть и персонажи, выступающие в повествовании на первый план; такие нередко получают у писателя говорящие фамилии: Тайм, Гуд, Кинг. При этом наблюдается постоянство некоторых компонентов образа англичанина.

Одним из таких компонентов выступает характерная портретная деталь – большие зубы. Мастер Тайм в аллегорической сказке «Иностранное тело» (1919) при первом же появлении получил определение «зубастый» [6: 596], а по ходу действия «зубищи-клыки свои желтые ощерил» [6: 598]. В романе «Няня из Москвы» (1933) английская графиня – «зубастая», ее дочь – «хорошенькая такая, зубастенькая только» [7: 129], английская гувернантка – «одни-то зубы» [7: 154]. Субстантивированное прилагательное «зубастый» служит устойчивым наименованием персонажа-англичанина и в рассказе «Мартын и Кинга» (1934): «только не удавай зубастому» [8: 526], «нырнул, зубастый» [8: 527], «я его замонтаю, зубастого» [8: 527]. Применительно к англичанам это слово всегда употребляется у Шмелева не в переносном значении («дерзкий, ост-

рый на язык»), а исключительно в прямом: Кинга «ощерил зубы, во-какие костяшки» [8: 525], «зубищами стучит» [8: 528]; в незаконченном романе «Иностранец» (1938) англичанки в бытовом разговоре также «щелкали зубищами» [9: 444].

Подчеркнем, что англичане наделены у Шмелева «зубастостью» независимо от сюжетных функций и авторской оценки персонажей. Кинга раскрывается в сюжете как антигерой (учитель верховой езды и плавания, он нечестно ведет себя во время состязания). Тайм, напротив, наделен функцией спасителя: это аллегорическая фигура Времени, исцеляющего помраченный разум русского народа (Ванюшки). Вылечив Ванюшку от сумасшествия, англичанин вразумляет его с помощью библейских заповедей и русских пословиц, то есть выступает носителем мудрости [6: 597]. Гувернантка Кислая и английская графиня в «Няне из Москвы» выступают благодетелями главной героини, и рассказчица отзывается о них тепло: «лю-ди-то какие... так нас и осветили в Костантинополе этом страшном, будто они самые родные» [7: 130]; «душа у ней добрая была, у Кислой нашей» [7: 154]. Однако в подобных случаях в тексте присутствует скрытое противоречие между прямой хвалебной характеристикой англичан и словами «зубастый», «зубищи», несущими неодобрительную коннотацию.

Далее, английский компонент прозы Шмелева связывается с семантикой богатства. У Гарта «в Англии именье-дворец» [7: 122], у старой английской четы – «несметные милиены по всему свету» [7: 124]: «ума решишься, какое же богатство» [7: 129]. Ряд персонажей-англичан показан в процессе приумножения своего капитала. Так, Кинга из рассказа «Мартын и Кинга» за тридцать лет пребывания в Москве середины XIX века «сто тыщ нажил» [8: 528], причем рассказчик дважды повторяет, что этот успех – «от неправды» [8: 522; 8: 523]. Для сравнения, Тайм берет за исцеление Ванюшки большой гонорар золотом, но это изображается без осуждения – ско-

рее, с уважением к практичности и основательности англичанина: «Зато прочно-с, можете быть спокойны» [6: 598]. Отметим, что в «Иностранном теле» воплотилась надежда Шмелева на действительную помощь англичан в годы Гражданской войны; более поздние произведения отразили разочарование писателя. Рассказ «Письмо лейтенанта» (1920) представляет собой послание, отправленное из белого Крыма в Лондон, от лейтенанта Скеттльза к его невесте мисс Блимберг, дочери владельца крупной паровой компании; их «дела блестящи» [6: 518]. Наблюдая за происходящим в России, Скеттльз видит только одну возможность действия – «дешево скупить еще уцелевшее: музеи, библиотеки, бронзу, фарфор»: «Может быть, нам удастся разобрать и перевезти такие памятники, как Кремль в Москве, колокольню „Иван Великий“... и „Медного всадника“» [6: 519-520]. Для этой цели лейтенант британского флота предлагает создать акционерное общество и готов вложить в него 25 тысяч фунтов (для 1920 года – огромная сумма). В «Няне из Москвы» рассказчица именуется англичан «саранчой»; в ее повествовании европейские союзники не помогают белым, а лишь используют ситуацию для наживы: «Весь Крым и вытряхнули, за грош без денежки. По дачам рыщут, кто несет, кто везет, кто ковер волочет, кто шубу... и рояли, и небель всякую... Наши знакомые говорили: „они нас за людоедов считают, они все так людоедов обирают, по всему свету“. Каждый день пароходы отходили, полным-полнехоньки» [7: 91]. Для голодающих в советском Крыму персонажей эпопеи «Солнце мертвых» (1923) британский премьер-министр Ллойд Джордж, который «с аппетитом кушает бифштекс и запивает портером», становится эмблемой лицемерной и циничной политики, представителем всех, кто «поговорив о человечестве и высоких целях, <...> приобретают... для своих – лишнюю бочку портера!» [10: 547]. Один из несчастных жителей Алушты вспоминает свое посещение Лондона: «А в темных лавках <...> все антиквары, антиквары, в норах своих, как пауки... <...> ... все эти лавчонки на чем стоят? <...> На грабеже и хищении!» [10: 498].

Применительно к англичанам у Шмелева повторяется и слово «гордый». «Лондон гордый» упоминается в «Солнце мертвых» [10: 526]. В «Няне из Москвы» английская гувернантка, по словам няни, «гордая да капризная» [7: 30]. Лейтенант Скеттльз пишет из Крыма: «О, как я горд, что я англичанин! Я хожу по улицам, и на меня смотрят, как на сошедшего с неба» [6: 520].

Поскольку названные компоненты подаются у писателя в превосходной степени («зубищи»,

«несметные миллионы»), «смотрят, как на сошедшего с неба»), в его образе англичанина налицо семантический элемент максимальной интенсивности, что характерно именно для мифологического мышления.

Очевидно, что Шмелев следует традиции изображения англичан как высокомерных и прагматичных людей [2: 114]. Такое изображение не раз принимало в русской литературе обличительный характер. Достаточно вспомнить лондонские страницы «Фрегата Паллада» Гончарова, «Ваал» Достоевского, повесть Замятина «Островитяне» или массовую поэзию времен Крымской войны, рисовавшую «злодеев Албионцев, / Как всемирных торгашей, / Вечно жадных до червонцев» [11: 211]. Например: «Для Англичан дела тогда лишь хороши, / Когда приносят им большие барыши» [11: 173]. Заметим, что некоторые британские персонажи Шмелева не соответствуют описанному стереотипу. В рассказе «Два письма» (1924) важное место занимает шотландский пастух в килте, сидящий у церкви и читающий Библию: «Э т о м у – предложите все богатства мира, и он не отдаст за них свою книгу, овец, осыпающуюся церковь, свою корку сыра и кусок хлеба» [12: 259]. Благородно и деликатно по отношению к Кате ведет себя Гарт в «Няне из Москвы», не получающий от заботы о девушке корысти. Однако фигуры корыстных англичан в творчестве писателя преобладают.

Как неизменная принадлежность английского образа жизни у Шмелева упоминаются трубка и пудинг. Затейливая трубка англичанина – важнейшая деталь рассказа «Солдат Кузьма» (1915): «Англицкая трубка, серебряная, с оленями, с медведями... Найди-ка поди такую трубку!» [6: 598]. В финале «Иностранного тела» Тайм «трубочку закурил и айда – к себе, в Лондон» [6: 222]. Та же деталь характеризует Гарта: «...и приезжает вдруг к нам полковник, главный их левизор... трубку он все курил» [7: 121] и т. д. Пудинг встречается в текстах не менее регулярно: Скеттльз определяет Гражданскую войну в России как «плум-пуддинг с красным желе à la Russe» [6: 518]; герои «Няни из Москвы» едят на Рождество в британской Индии пудинг «с синим огнем» [7: 150]; в рассказе «Небывалый обед» (1934) москвичи готовят для покидающего Россию Кинги английский обед – «пудинги, понятно, с пламенем» [8: 532], после чего сомневаются: «уж не отравились ли... с огнем-то ели!» [8: 538]. Для сравнения можно вспомнить, как обыгран этот кулинарный стереотип в романе Набокова «Подвиг»: приехав в Англию, его герой обнаружил, что «синим пламенем пылающий плампуддинг» здесь делают не в любой день, как анг-

ломаны в Петербурге, а только на Рождество [13: 191]. Гимном английскому рождественскому обеду, в том числе и пудингу, становится признание русского эмигранта N.N. в рассказе «Два письма»: «Я не был в Англии никогда, но <...> вижу ее и знаю. Я даже слышу запахи ее праздника, детской его одежды! И курящегося синими огоньками сладкого „плюм-пудинга“, пунша и грога, и жареного гуся... и длинных конфет-ломучек, из сладкого хрусталя, – не посахов ли пастушьих или ледяных сосулук? – подающихся будто только на Рождество. И серебряные звезды вижу, и горшки гардении на столе – цветка лордов, в цветах сладких и нежных, как свежие сливки...» [12: 265].

Из последней цитаты видно, что Шмелеву и его персонажам по душе «старая Англия» как страна традиций, укорененных в национальной почве и христианской вере. Повествователь «Солнца мертвых» призывает эту Англию не повторить судьбу России: «Крепись, Старая Англия! <...> И ты, Лондон гордый, крестом и огнем храни Вестминстерское свое аббатство! Придет день туманный – и не узнаешь себя... Много без роду и без креста, – жажнут, жажнут» [10, 526]. В «Двух письмах» русский признается: «Я хотел бы перенестись в вашу Старую Англию, зачарованный еще с детства сказками незабвенного Диккенса. Я хотел бы услышать „сверчка“, очаровательного „сверчка“ его, по которому жизнь тоскует. <...> Хотел бы слушать, как поют и потрескивают буковые дрова и уголь в каминах и очагах, как поют в дальних церквях, плитами связанных с отшедшим, псалмы и гимны и победную песнь Рожденному, Свету Неизреченному!» [12: 264-265]. Обращаясь к британскому другу, он риторически спрашивает: «Что нас связало? Культура? Величайшее Слово связало нас! Голос от Иордана. <...>. И по одному слову, по вздоху даже – почувствовали мы оба, что не мелькнувший это случайный встречный, а близкий-близкий, из одной Кошницы...» [12: 264].

Принадлежность к христианскому миру обеспечивает у Шмелева успех русско-британской коммуникации даже без знания языка. Неграмотная няня Дарья Степановна прекрасно себя чувствует в семье английской гувернантки: «...я с мамашей ее сидела, вязала. Ее паларич разбил, виблию все читала. Скажет чего, а я подакаю» [7: 154]. Бывший солдат Кузьма тепло вспоминает свое общение с англичанином во время Крымской войны: оба противника ранены и несколько часов проводят в траншее наедине друг с другом. «Ничего, разговорились. Он по-своему, я ему по-своему. Все понимает. <...> „Каля-маля, – говорит, – гав-гав-дую-не вздую“. По-своему. И не

вздуюшь, говорю, шалишь» [6: 224-225]. Русский солдат превратно толкует значение и даже звучание незнакомых ему иностранных слов, однако убежден, что они с англичанином понимают друг друга. Кузьма много раз прилагает к англичанину эпитеты «хороший» и «душевный»: «...прямо – душевный молодчик оказался. Прямо жалко мне от него уходить. Говорю ему: „очень ты для меня хороший, даром что неприятель, а как чистый друг“...» [6: 226].

Двойственно преломляется в творчестве писателя стереотип «туманного Альбиона». В «Солнце мертвых», где британская тема звучит обличительно, описание Лондона включает «гнилой туман, и огоньки грязного газа в нем» [10: 497]. По контрасту, для N.N. в «Двух письмах» британский туман сопутствует верности христианским истокам и потому полон очарования: «В туманы ваши протягиваю я руку... <...> О, если бы перенестись на ваши туманные холмы! Все дни сидел бы я с овцами под дождем и читал у церкви. И с нами Бог!» [12: 264].

Таким образом, британский миф в творчестве Шмелева представляет собой своеобразное расщепление темы Британии на обличительный образ зубастых, самодовольных любителей наживы и идеализированный образ эстетически привлекательной страны христианских традиций.

1. Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – 612 с.
2. Шестаков В.П. Английский национальный характер и его восприятие в России // Россия и Запад: Диалог или столкновение культур: Сб. ст. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2000. – С. 85 – 117.
3. Желтова Н.Ю. Константы национального характера в литературе первой половины XX века. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006. – 166 с.
4. Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии: учебное пособие по спецкурсу. – Самара: Порто-принт, 2012. – 222 с.
5. Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: Наследие, 1997. – 413 с.
6. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. – М.: Русская книга, 2000. – 608 с.
7. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 3. Рождество в Москве: Роман. Рассказы. – М.: Русская книга, 1998. – 352 с.
8. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 4. Богомолье: Романы. Рассказы. – М.: Русская книга, 1998. – 560 с.
9. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 6 (доп.): История любовная: Романы. Рассказы. – М.: Русская книга, 1999. – 512 с.

10. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 1. Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. – М.: Русская книга, 1998. – 640 с.
11. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Гиперборея, 2008. – 366 с.
12. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. – М.: Русская книга, 1998. – 512 с.
13. Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 2. Защита Лужина. Подвиг: Романы. Рассказы. – М.: Правда, 1990. – 447 с.

BRITISH MYTHS IN I.S.SHMELEV'S WORKS

S.V.Sheshunova

The article examines the images of Britain and Britons in the works by Ivan Shmelev: “Kouzma, a Soldier” (1915), “A Foreign Body” (1919), “Two Letters” (1924), and others. This study demonstrates that the authorial British myth in the writer’s works splits into a satirical image of toothy, complacent lovers of gain and an idealized image of an aesthetically attractive country of Christian traditions.

Key words: Russian literature, British myth, Ivan Shmelev.

1. Breeva T.N., Xabibullina L.F. Nacional'nyj mif v russkoj i anglijskoj literature. – Kazan': RIC «Shkola», 2009. – 612 s. (in Russian)
2. Shestakov V.P. Anglijskij nacional'nyj karakter i ego vospriyatие v Rossii // Rossiya i Zapad: Dialog ili stolknovenie kul'tur: Sb. st. – M.: Ros. in-t kul'turologii, 2000. – S. 85 – 117. (in Russian)
3. Zheltova N.Yu. Konstanty nacional'nogo karaktera v literature pervoj poloviny XX veka. – Tambov: Izdvo TGU, 2006. – 166 s. (in Russian)
4. Mixal'skaya N.P. Rossiya i Angliya: problemy imagologii: uchebnoe posobie po speckursu. – Samara: Porto-print, 2012. – 222 s. (in Russian)
5. Kaznina O.A. Russkie v Anglii: Russkaya e'migraciya v kontekste russko-anglijskix literaturnyx svyazej v pervoj polovine XX veka. – M.: Nasledie, 1997. – 413 s. (in Russian)
6. Shmelev I.S. Sobr. soch.: v 5 t. – Т. 8 (dop.): Rvanyj barin: Rassказы. Oчерki. Skazki. – M.: Russkaya kniga, 2000. – 608 s. (in Russian)
7. Shmelev I.S. Sobr. soch.: v 5 t. – Т. 3. Rozhdestvo v Moskve: Roman. Rassказы. – M.: Russkaya kniga, 1998. – 352 s. (in Russian)
8. Shmelev I.S. Sobr. soch.: V 5 t. – Т. 4. Bogomol'e: Romany. Rassказы. – M.: Russkaya kniga, 1998. – 560 s. (in Russian)
9. Shmelev I.S. Sobr. soch.: v 5 t. – Т. 6 (dop.): Istoriya lyubovnaya: Romany. Rassказы. – M.: Russkaya kniga, 1999. – 512 s. (in Russian)
10. Shmelev I.S. Sobr. soch.: v 5 t. – Т. 1. Solnce mertvyx: Povesti. Rassказы. E'popeya. – M.: Russkaya kniga, 1998. – 640 s. (in Russian)
11. Orlov A.A. «Teper' vizhu anglichan vblizi...»: Britaniya i britancy v predstavleniyax rossijan o mire i o sebe (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.). – M.: Giperboreya, 2008. – 366 s. (in Russian)
12. Shmelev I.S. Sobr. soch.: v 5 t. – Т. 2. V'ezd v Parizh: Rassказы. Vospominaniya. Publicistika. – M.: Russkaya kniga, 1998. – 512 s. (in Russian)
13. Nabokov V.V. Sobr. soch.: v 4 t. – Т. 2. Zashhita Luzhina. Podvig: Romany. Rassказы. – M.: Pravda, 1990. – 447 s. (in Russian)

Шешунова Светлана Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук Международного университета природы, общества и человека «Дубна».

141982, Россия, Дубна, ул. Университетская, 19.
E-mail: bog15k254@dubna.net.ru

Sheshunova Svetlana Vsevolodovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, Faculty of Social Sciences and Humanities at the International University of Nature, Society and Man "Dubna".

19 Universitetskaya Str., Dubna, 141982, Russia
E-mail: bog15k254@dubna.net.ru

Поступила в редакцию 12.05.2015